

**ОБРАЗНОСТЬ, СИМВОЛ И МЕТАФОРА
КАК ПРИЕМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ
(на примере повестей Ф. Байрамовой «Болын»
и А. Халима «Өч аяклы ат»)**

Н.Ф. Галиева

Институт филологии и межкультурной коммуникации
Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, Татарстан, 420008
nadisharm@mail.ru

В данной статье образность, символ и метафора рассматриваются в лингвистическом аспекте как приемы выражения эмоциональности в современной татарской прозе. Анализируя теоретический и фактический материал, автор доказывает, что символ и метафора, а также образность, составляющая их основу, может выражать эмоциональность. Особенность эмоциональности образности, метафоры и символа в современной татарской прозе создается за счет их взаимопереходной природе — способности образности легко трансформироваться в метафору и символ. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые учитывается лингвокультурологическая основа образности, метафоры и символа и на основе нее рассматривается семантическая природа образности, символа и метафоры и их возможности выражения эмоциональности в современной татарской прозе.

Ключевые слова: татарский язык, семантика, образность, представление, символ, метафора.

ВВЕДЕНИЕ

Проблему эмоциональности в татарской прозе следует считать малоизученной, т.к. она затрагивалась только в работах, посвященных другим лингвистическим проблемам. Например, данная проблема освящается в работах Ф.С. Сафиуллиной, И.Б. Башировой и Г.Р. Галиуллиной, Х.Р. Курбатова, А.Р. Рахимовой, Д.К. Вахитовой, В.Ф. Макаровой, Р.А. Аюповой, Э.Н. Денмухаметовой. Лингвокультурологический аспект эмоциональности рассматривается в работах Л.К. Байрамовой и Р.Д. Юнусовой, А.М. Галиевой и Э.Ф. Нагумановой, И.Г. Закировой, психологический аспект — в работе В.Р. Аминовой. Таким образом, актуальность исследования определяется недостаточной изученностью специфики выражения эмоциональности в современной татарской прозе, а именно эмоционального аспекта образности, символа и метафоры. Поэтому объектом нашего исследования является образность, символ и метафора в повестях Ф. Байрамовой «Болын» и А. Халима «Өч аяклы ат».

РОЛЬ ОБРАЗНОСТИ В ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Образность, метафора, символ «объединены идеей наглядного представления об объекте: именно это представление и есть тот источник, из которого „бьют“ смыслы» [4. С. 72]. Однако между ними есть существенные различия: «Образность в широком смысле этого слова — это живость, наглядность, красочность изобра-

жения как неотъемлемый признак любого вида искусства, форма осознания окружающей действительности с позиций некоего эстетического идеала». Более узкое понимание образности речи основано на использовании слов в переносном значении, с измененной семантикой. При этом слова, получающие образное значение, в художественном контексте в какой-то степени теряют свою номинативную функцию и приобретают яркую экспрессивную окраску [8].

При использовании образного слова «человек не столько открывает сходство, сколько создает его» [3. С. 9]. Создание образа происходит на основе представления. Представлением может обладать любой материальный предмет, «но не всякому предмету дано иметь образ». «Как только объект „одухотворяется“, он сразу же порождает образ» [4. С. 73]. Например:

1) *Чэчэклар, иелеп-иелеп, минем битларемнэн, күзларемнэн үбеп алалар, муенымны кытыккыйлар.* (Цветы, наклоняясь, целуют меня по лицу, глазам, щекочут мою шею.)

2) *Ә беркөнне, бирегә йөгереп килгәч, мин чэчэкларемне тапмадым. Больным да үзгәреп, боегып калган... Аякларым чәнчеп авыртуданмы, больнымның, жанымның шулай рәхимсез талануыннан әрнепме, елый-елый печән чабучы ирлар янына йөгерам. — Нигә тиясез сез ул чэчэкларга?! — дип кычкырам мин килә-килешкә.* (А однажды, прибежав сюда, я не застала своих цветов. Мой луг тоже изменился, погрустнел... Или из-за колючей боли в ногах, или из-за вида так безжалостно поруганного луга, поруганной моей души, я, со слезами на глазах, с горечью в душе бегу к сенокосцам. Зачем вы трогаете цветы? — кричу я им на ходу.)

3) *Икенче жәйдә мин инде болынның чабылачагын алдан ук белә идем. Өченче жәйдә мин инде аның чабылырга тиеш икәнен аңладым... Тик беркайчан да, беркайчан да мин ул чэчэкларне өзмәдем! Минем балачак хыялларымны шулай үткен чалгы белән бер селтәнүдә юк итә алсалар да, матурлыкка табынган жанымны сындыра алмадылар.* (В следующее лето я уже заранее знала о том, что цветы будут скошены. В третье лето я понимала, что цветы должны быть скошены... Но ни разу, ни разу, я не срывала те цветы! Одним взмахом косы им удалось лишить мои детские грезы, но душу, поклоняющуюся красоте, сломить не удалось.) [6. С. 182—183].

Чэчэклар (цветы), *болын* (луг) в предложенных выше примерах являются образами, автор представляет их одухотворенными, это видно из примеров. Кроме этого цветы ассоциируются у автора с детскими грезами, а луг — с душой. С одухотворенными объектами, порождающими образность, сочетаются слова, выражающие эмоциональность: *болынның рәхимсез талануы, әрнү, матурлыкка табынган жан, жанны сындыра алмадылар* (безжалостно поруганный луг; чувствовать горечь обиды; душа, поклоняющаяся красоте; не сумели сломать душу).

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

На основе образности возникает метафора. «Ресурс метафоры — сдвиг в классификации объекта, включение его в тот класс, которому он не принадлежит». Например:

Башта мин ул дөнъяга кыяр-кыймас кына килеп керәм... Ул — чэчэк ислареннән оеп яткан жәйге бер болын. (Я неуверенно вхожу в тот мир. Тот мир — это летний луг, онемевший от запахов цветов.) [6. С. 170].

В данном примере слово «оеп яткан» (онемевший) используется со словом «болын» (луг). Слово «неметь» в прямом смысле используется со словами, выражающими понятия, которые относятся к физическому состоянию человека: *оеган кул*, *оеган аяк*. В данном примере наблюдается категориальный сдвиг — сочетаются два несочетаемых друг с другом понятия — *оеп яткан болын* (онемевший луг). Образ, в свою очередь, «не допускает категориальной ошибки» [4. С. 81]. «В применении к метафоре говорят о присутствии у нее двух субъектов — основного и вспомогательного». На основе выделенных словосочетаний *көйдереп куя иде күкрәген*, *сәндәрә караңгылыгына чумды*, *тынлыкка йотылды*, *алтын табак эри*, *күңел яктылыгы* создается эмоциональность текста.

Необходимо заметить, что такие метафоры следует отличать от тех, которые имеют «стертую образность» [1. С. 125]. Например:

- 1) *Әмма алга куелган максат вәҗданның мондый газапларыннан югары, күпкә югары иде шул.* (Но поставленная цель была гораздо сильнее этих терзаний.)
- 2) *Инәсе түккән күз яшьләре хақына булса да, тәзалергә тиеш иде бит инде ул бичара буын, билләһи газыйм!..* (Колено лошади должно поправиться хотя бы ради слез, которые пролила его мама) [9. С. 432—445].

Это доказывает, что метафоры тоже имеют возраст, а главным показателем их свежести/старости является образность. Тем не менее, образность может гармонировать с компонентами коннотации настолько, что метафора становится независимой от категории времени. Ярким доказательством этому служит народный фольклор. Например:

“Күңел күзе күрмәсә, маңгай күзе — ботак тишеге” (Человек не видит то, что не хочет видеть или рус. аналог: Никто так не глух, как тот, кто не хочет слышать).

Пример из современной татарской прозы *“Бу инде күңел күзенең әүвәлдән үк мең дәүмәле белән сукуыраюыннан киләдер”* (Скорее всего, это все происходит по причине слепости глаз души) [9. С. 445] показывает, что метафора “күңел күзе” нисколько не устарела.

Образ, в отличие от метафоры, един. Например:

Йәри аннан соң ялгыз кәкүк кебек, әле болынга барып чәчәкләр белән сөйләшеп, әле урманнарда чыгып китеп адашып, ди. (Она говорит, мол, ходит ребенок потом, как одинокая кукушка, или с цветами разговаривает, или в лесу теряется) [6. С. 175].

Термин «метафора» принадлежит Аристотелю, и именно он впервые обратил внимание на ее потенциал: «Самое ясное выражение, конечно, состоит из общеупотребительных слов, но оно низкое. Благородное же и свободное от тривальности выражение есть то, которое пользуется необычными словами. А необычным я называю глоссу, метафору, удлинение и все уклоняющееся от общеупотребительного» [2]. Из высказывания видно, что Аристотель отличал метафору от общеупотребительных слов, следовательно, и относился к метафоре как творческому акту.

Как видно, изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания [3. С. 5].

Если же при Аристотеле метафора противопоставлялась общеупотребительному, которое считалось «низким», в XX в. идеалом будет считаться коммуникация, «чтобы каждому произнесенному слову соответствовало бы только одно значение». Однако именно экспрессивность во всех языках противодействует осуществлению принципа линейности в наибольшей степени, ведь каждому означающему она приписывает одно или несколько значений» [5. С. 121].

В статье «Метафора и дискурс» Н.Д. Арутюнова замечает, что «не прибегают к метафоре» во всем, что «подлежит точному и однозначному пониманию». Однако «как только центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, запрет на метафору снимается» [3. С. 7—8]. Таким образом, природа метафоры, ее происхождение за счет семантического сдвига, уже предопределяет ее эмоциональную природу.

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СИМВОЛА

Другой путь становления образа — это превращение его в символ. Символ, в отличие от метафоры, «часто имеет неотчетливые трансцендентные смыслы» [3. С. 24]. Например, в словосочетании «өч аяклы ат» (трехногая лошадь), которое используется в названии повести, представлен слово — символ «ат» (лошадь).

Из названия видно, что речь пойдет про лошадь, которая, в силу обстоятельств, имеет три здоровые ноги. Это — «оболочка» словосочетания, смысл которого складывается из денотативного макрокомпонента семантики слова. Чтобы понять суть словосочетания «өч аяклы ат», необходимо обратиться к ее коннотации. Здесь на первый план выходит оценочность (өч аяклы ат, т.е. лошадь, имеющая увечье, отличающаяся от других четвероногих лошадей). Данная информативность словосочетания подключает эмоциональный компонент коннотации: увечье совершеннейшего создания природы рождает в душе человека сострадание, жалость, боль. Учитывая, что лошадь для татарина не просто животное, а друг, «вторая половинка» — данный символ испокон веков использовался вместе со словом «ир» (мужчина) — к нему подключается образность: өч аяклы ат, а значит неполноценный, а значит несчастный. Размышления мальчика на тему единства мужчины и лошади подкрепляют вышеизложенное:

1) *«Ир бала үзендә чиксез ялгызлык — атсыз ялгызлык тойды»* (Мальчик почувствовал беспредельное одиночество — одиночество без лошади);

2) *«Халык нигә ир-ат сүзен бергә кушып айтә? Икесе бер эсан маллә алар?»* (Почему народ произносит слова «мужчина» и «лошадь» вместе? Может быть у них одна душа на двоих?) [9. С. 457—460].

Таким образом, первичное и вторичное означающее — *ат* (лошадь), *ир-ат* (мужчина) объединяются, и мы получаем неотчетливый смысл слова «ат». Это

и есть символ. Он доказывает, что символы могут относиться к определенному этносу, а следовательно, чтобы понять сущность некоторых символов, их необходимо изучать в лингвокультурологическом аспекте. Например, символ *ат*, его значение можно понять, опираясь на народный фольклор и менталитет татарского народа.

Символ выражает общую идею, ей не свойственна конкретность:

1) *«Ә беркөнне, бирегә йөгереп килгәч, мин чәчәкләремне тапмадым. Больным да үзгәреп, боегып калган»* (А однажды, прибежав сюда, я не нашла свои цветы. Луг мой тоже изменился, впал в уныние);

2) *Кая барасымны үзем дә белмим, хәзер инде барып капланырга болын да юк* (Не знаю куда идти, сейчас уже нет луга, в который можно было уткнуться);

3) *Икенче жәйдә мин инде болынның чабылачагын алдан ук белә идем* (На следующее лето я уже заранее знала о том, что луг будут косить);

4) *Менә ул кораб безнең болыныбызга килеп туктый, үзе шунда ук жәй икән, тирә-якта ап-ак кар түгел, ап-ак чәчәкләр шулай жәмелди икән* (Корабль останавливается возле нашего луга, и оказывается лето, вокруг сверкает не снег, а белоснежные цветы) [б. С. 172—195].

Таким образом, в метафоре сохраняется ядро, целостность образа, которая то «приближается», то «удаляется», но не распадается. Символ, в отличие от метафоры, имеет более расплывчатые границы, он выражает общую идею. Символ не раскрывает сущность, это дело метафоры, он лишь наводит на размышления.

Образ «может стать метафорой (метафорическим образом) и превратиться в символ [4. С. 84]. Пример со словом «болын» (луг), который мы рассматривали вначале, свидетельствует об этом. Например:

Ә беркөнне, бирегә йөгереп килгәч, мин чәчәкләремне тапмадым. Больным да үзгәреп, боегып калган. (А однажды, прибежав сюда, я не застала своих цветов. Мой луг тоже изменился, погрузтел) [б. С. 182].

В данном примере слово «болын» — одухотворенный образ. Следующий пример:

Шул якты да, шомлы да гомер болынымнан йөгереп килгән хәлемдә, мин инде уккын читенә үк барып житәм (Я бегу по этому светлому и в то же время настаивающему лугу своей жизни и достигаю края обрыва) [б. С. 171].

В данном примере слово «болын» используется в словосочетании «гомер болыны». Однако символ не может быть предикатом, а в данном примере слово «болын» как раз им и является, следовательно, это не символ, а метафора. Символу характерна отвлеченность, она уводит за пределы реальности, в отличие от образа, которому свойственна конкретность. Например:

Ул бит минем генә болын, ул — мин генә очасы уккын, ул — минем генә дөнъям (Это же только мой луг, это же только моя пропасть, это же только мой мир) [б. С. 171].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, одним из путей выражения эмоциональности в современной татарской прозе является взаимопереходный характер образа, метафоры и символа. Метафора и символ имеют общее происхождение — это наглядное представление об объекте, это образ. Принципиальное отличие образа от обычного представления заключается в том, что образ появляется в нашем воображении целиком, он предстает перед нами «одухотворенным». «Одухотворенность» объекта свидетельствует о наличии в нем качеств, присущих человеку, а именно эмоциональности. Образ обогащается «на месте», ему не характерен семантический сдвиг, в отличие от метафоры. Метафора, за счет перемещения в семантическом пространстве, достигает своей главной цели — лучшего донесения мысли до адресата. Не исключено, что этому способствует эмоциональность, возникающая на основе семантического сдвига и образности метафоры. Если метафора возникает с целью лучшего донесения мысли, символ преподносит нам смысл, «облаченную» в некую вуаль таинственности.

Иначе говоря, символ предоставляет нам свободу мысли и воображения. Символ откровенно вовлекает нас в диалог и предоставляет нам множество вариантов трактовки, в которую не может не быть вовлечена эмоциональность. В процессе открытия эмоционального потенциала образа, метафоры и символа в татарской прозе необходимо иметь ввиду и лингвокультурологический аспект языка. Это связано с тем, что татарская культура, а следовательно и татарская литература, имеет свою историю, свою дорогу в истории. И, следовательно, способы выражения эмоциональности татар тоже будут отличаться. Некоторые из них, как мы убедились, невозможно дословно перевести на русский и другие языки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Азнаурова Э.С.* Очерки по стилистике слова. Изд-во ФАН Узбекской ССР, 1973.
- [2] *Аристотель.* О языке трагедии. Поэтика (отрывки). URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/aristotel1_1.txt.
- [3] *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. науч. тр. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
- [4] *Арутюнова Н.Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res Philologica: Филологические исследования (Памяти акад. Г.В. Степанова. Отв. ред. акад. Д.С. Лихачев).* Москва, Ленинград: Наука, 1990.
- [5] *Балли Ш.* Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- [6] *Бәйрәмова Ф.* Болин // Хәзерге татар прозасы. Беренче жьентык. Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты (ТаРИХ), 2003.
- [7] *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001.
- [8] *Гайдук Н.А.* Образность как категория современной лингвистики: трактовки и подходы к исследованию образных средств языка. URL: <http://centrump1.in.ua/forum/3-16-1>.
- [9] *Хәлим А.* Өч аяклы ат // Хәзерге татар прозасы. Беренче жьентык. Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты (ТаРИХ), 2003.

IMAGERY, SYMBOL AND METAPHOR AS MEANS OF EXPRESSING EMOTIONALITY IN MODERN TATAR PROSE

N.F. Galieva

Institute of Philology and Intercultural Communication
Kazan (Volga Region) Federal University
Kremlyovskaya str., 18, Kazan, Tatarstan, 420008
nadisharm@mail.ru

In the article imagery, symbol and metaphor are investigated in the linguistic aspect as means of expressing emotionality in modern Tatar prose. On the basis of theoretical and factual materials the author proves imagery serves as the common basis for symbol and metaphor in expressing emotionality in modern Tatar prose. Thus the potential of imagery, symbol and metaphor in expressing emotionality in modern Tatar prose is formulated on basis their mutual transitivity — the ability of imagery to be easily transformed into metaphor and symbol. Originality of the research lies in the fact that it is taken into account for the first time linguocultural basis of imagery, metaphor and symbol and their potential in expressing emotionality in modern Tatar prose.

Key words: the Tatar language, semantics, imagery, impression, symbol, metaphor.

REFERENCES

- [1] Aznaurova Je.S. Ocherki po stilistike slova [Essays on the stylistics of the word]. Izd-vo FAN Uzbekskoj SSR, 1973.
- [2] Aristotle. O yazyke tragedii. Poetika (otryvki) [About the language of tragedy. Poetika (sketches)]. Available at: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/aristotel1_1.txt (Accessed 30 November 2014).
- [3] Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Teoriya metafory [Theory of metaphor]: sb. nauch. tr. / per. s angl., fr., nem., isp., polsk. yaz. / pod red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoy. M.: Progress, 1990.
- [4] Arutyunova N.D. Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kultury [Imagery, metaphor and symbol in context of life and culture] // Res Philologica: Filologicheskije issledovaniya (Pamyati akad. G.V. Stepanova / Otv. red. akad. D.S. Likhachev) [Res Philologica: Philological research (In memoriam of acad. Georgy V. Stepanov / ed. acad. D.S Likhachev)]. M., L.: Nauka, 1990.
- [5] Balli Ch. Yazyk i zhizn [Language and life]. M.: Editorial URSS, 2003.
- [6] Bəjrəmovə F. Bolyn [Meadow] // Həzergə tatar prozasy. Berenche jəyentyk [Modern Tatar prose. The first chapter]. Kazan: Tatarstan Respublikasy “Həter” nəshrijaty (TaRIH). Kazan: “Həter” Publishing House (TaRIH), 2003.
- [7] Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove) [The Russian language (Grammatical Study of a word)]. M.: Rus.yaz., 2001.
- [8] Gayduk N.A. Obraznost kak kategoriya sovremennoy lingvistiki: traktovki i podkhody k issledovaniyu obraznykh sredstv yazyka [Elektronnyy resurs] [Imagery as the category of modern Linguistics]. Available at: <http://sentrumpl.in.ua/forum/3-16-1> (Accessed 30 November 2014).
- [9] Həlim A. Əch əjakly at [Three-legged horse] // Həzergə tatar prozasy. Berenche jəyentyk [Modern Tatar prose. The first chapter]. Kazan: Tatarstan Respublikasy “Həter” nəshrijaty (TaRIH) [[Kazan: “Həter” Publishing House (TaRIH)], 2003.